

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ

ВЕЧНЫЕ СПУТНИКИ

Портреты из всемирной литературы

ПАЛ Ы М И Р А
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 82.94
ББК 84(2Рос-Рус)6
М52

*Предисловие Марины Кореновой, ведущей научной сотрудницы
Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом)*

Мережковский Д.

М52 Вечные спутники : Портреты из всемирной литературы / Дмитрий Мережковский ; [предисл. М. Ю. Кореновой]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 415 с. — (Серия «Пальмира — искусство»).

ISBN 978-5-517-09445-2

Книга «Вечные спутники» — это цикл критических очерков о культуре и великих литераторах, сопутствовавших в жизни и творчестве русскому писателю, поэту, литературному критику и общественному деятелю Дмитрию Мережковскому (1865–1941). Один из основоположников русского символизма, десятикратный номинант на Нобелевскую премию по литературе и один из самых оригинальных мыслителей XX века представляет субъективный взгляд на значимых для него героев — Мишеля де Монтеня, Федора Достоевского, Генрика Ибсена, Марка Аврелия и многих других.

УДК 82.94
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-09445-2

© Коренева М. Ю., предисловие, 2023
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

ПОЭЗИЯ БЕЗ ПРАВДЫ

Вечные спутники... Привычное словосочетание, прочно вошедшее в словарь русской культуры, уже изрядно стершееся, банально-пафосное и ничего не говорящее, своеобразный указатель, направляющий читателя к очередной братской могиле, в которой оказываются погребенными те, кого на данном этапе записали в классики, и вместе с тем — «непереводимая игра слов», доставляющая немалые трудности тому, кто вознамерится перевести это словосочетание на какой-нибудь европейский язык. Не потому, что в европейских языках подобные слова отсутствуют, а потому что в них нет таких понятий — «властитель дум», «вожди умов», «родоначальник» и прочая, как нет традиции конструировать общие или частные литературные генеалогии, традиции, укоренившейся в литературе русской, в которой у каждого писателя есть «свой Державин» или «свой Пушкин». К этому же ряду литературных генеалогий можно было бы отнести и сборник статей Д. С. Мережковского «Вечные спутники». Можно, но не нужно. Ибо тексты, собранные в этой книге, лишь отчасти имеют отношение собственно к литературе и задумывались автором не как сводный каталог личного «золотого фонда», а скорее как своеобразные биографии идей, входящих в универсальный круг «вечного возвращения», очерченный еще Ницше, философом-поэтом, под обаянием которого находился в свое время и Мережковский, создавший в «Вечных спутниках» своего рода художественную иллюстрацию ницшевской формулы «в портретах и лицах».

Сам Мережковский, собрав под одной обложкой очерки, посвященные «персонажам» разных эпох и стран, обозначил жанр своей книги как «записки», «дневник читателя XIX века» и вряд ли думал, что уже через несколько лет после ее выхода она станет драгоценным подарком, который будут вручать успешным гимназистам по окончании гимназии (если верить воспоминаниям Зинаиды Гиппиус), — курьез, объяснявшийся, вероятно, безобидно-сухим подзаголовком «Портреты из всемирной литературы» и не менее безобидным перечнем портретируемых «героев»: Марк Аврелий, Плиний Младший, Кальдерон, Сервантес, Гете, Монтень, Флобер, Ибсен, Достоевский, Гончаров, Тургенев, Майков, Пушкин, — вполне почтенные имена, из которых разве что Ибсен мог в ту пору еще вызвать некоторые сомнения, все прочие же вполне годились для того, чтобы составить литературный «плутарх» для юношества, своего рода сравнительное жизнеописание великих мужей. Но у Мережковского была совсем иная задача, которую он ясно сформулировал в предисловии: «Цель автора заключается не в том, чтобы дать более или менее объективную, полную картину какой-либо стороны, течения, момента во всемирной литературе; цель его — откровенно *субъективная*. Прежде всего желал бы он показать за книгой живую душу писателя — своеобразную, единственную, никогда более не повторявшуюся форму бытия; затем изобразить действие этой души... на ум, волю, сердце, на всю внутреннюю жизнь критика как представителя известного поколения».

Декларируя принцип субъективной критики, сосредоточенной на психологическом исследовании материала, Мережковский адресовался не столько к читателю, сколько к своим оппонентам, которых у него, дерзнувшего выступить против утилитаризма в критике, было немало: уже его первое публичное выступление на этом «поле» — лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», прочитанные в конце 1892 года, — вызвало бурю негодования. «Дурачки четверорукие карабкаются на кафедры, чтобы поучать нас», — писало тогда «Новое время» о состоявшемся чтении. Ни один журнал не взялся публиковать текст, автор которого посмел выступить в защиту

идеи автономности искусства и свободы творчества, не ограниченного рамками великого служения народу. Когда же год спустя, в 1893 году, Мережковский напечатал лекции на свой счет, выпустив их отдельной брошюрой, она встретила самый враждебный прием. «Меня окружает такое безнадежное одиночество, такая скучная и мертвенная злоба, что иногда мне кажется, что все, что я делаю, бесполезно, и мною овладевает отчаяние», — сетовал Мережковский в одном из частных писем тех лет, немного лукавя. Он был не один: его брошюра нашла благодарных читателей, среди которых был и П. П. Перцов, молодой критик, выразивший свое отношение к «новому слову» в письме, написанном по свежим впечатлениям от только что вышедшей книги: «...Со страниц Вашей книги веет новым воздухом — воздухом будущей эпохи... Как не похожа Ваша книга на всю эту ежедневную, бесцветную газетно-журнальную болтовню, на все эти выученные нами вокабулы, на догматы, пережившие веру». Именно П. П. Перцов и предложил Мережковскому выпустить его критические статьи, частично публиковавшиеся в печати, отдельным изданием. Мережковский отнесся к затее молодого издателя сдержанно. «Опять пришлось воевать с Дмитрием Сергеевичем как из-за самой идеи такого сборника (он оставался к ней холоден, продолжая твердить, что критика для него только средство заработка, — любопытный пример самонепонимания писателя), так и из-за подбора статей», — вспоминает П. П. Перцов, которому тем не менее удалось преодолеть сопротивление писателя и осуществить задуманное.

В конце 1896 года книга, названная «Вечные спутники», вышла в свет и сразу же попала под обстрел рецензентов: одни потешались над странным составом книги, открывавшейся очерком «Акрополь», к «портретам», явно отношения не имеющим, и призывали автора прояснить загадку «господина Акрополя», другие относили представленные сочинения к разряду «курьезов и абсурдов», а самого автора к «мутной черни», к поколению «полуразвитых недоучек, путающихся в метафизических дебрях мистического мрака», как писал видный деятель «народнического лагеря» А. М. Скабичевский, характеризуя состояние «мо-

лодой критики», главными представителями которой он считал не только Д. С. Мережковского, но и В. С. Соловьева, С. С. Андреевского, Б. В. Никольского и П. П. Перцова. Мережковскому доставалось, пожалуй, больше других — и тогда, сразу по выходе книги, и потом, когда никто уже не осмеливался назвать его в ряду «недоучек», а нелестный ярлык был заменен на более пристойные характеристики: «пленник культуры», «Наполеон цитат», «культурный себялюбец», «себялюбивый чужестранец» и т. д. И все же его «Вечным спутникам» была суждена долгая жизнь. Она запомнилась. И потому, что она была посвящена «великим незнакомцам», о которых у русского читателя той поры было лишь самое смутное представление, и потому, что автор облек свои писания в форму редкую и не свойственную русской литературе тех лет, в форму «эссея», для которой, как писал М. Цетлин в статье на смерть Мережковского, даже не имелось соответственного русского слова, но главное — потому, что она несла в себе художественное переживание, превращавшее всю книгу в необычный «сборник критической поэзии», по законам поэзии и составленный. «Я пишу эти строки осенней ночью, при однообразном шуме дождя и ветра, в моей петербургской комнате...» — так заканчивает Мережковский один из очерков этой камерной книги, приглашающей к сопереживанию и подкупающей обаянием искренности человека, еще способного удивляться и проникаться духом чужих страниц, которые он перелистывает не как читатель, но как со-автор, складывающий из субъективных впечатлений свой, новый текст о тех, кто и сегодня продолжает оставаться в числе «великих незнакомцев». В этом новом тексте нет правдивых историй из жизни представляемых героев, но есть все то, что сам Мережковский считал непременным условием бытования подлинной литературы: «мистическое содержание», «символы», «художественная впечатлительность» и поэзия. Пусть и без правды.

Марина Коренева

ВЕЧНЫЕ СПУТНИКИ

ПОРТРЕТЫ ИЗ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

